

<i>BRET HARTE</i>	<i>БРЕТ ГАРТ</i>	<i>БРЕТ ГАРТ</i>
TENNESSEE'S PARTNER	ПАРТНЕР ТЕННЕСИ	ПАРТНЕР ТЕННЕСИ
<i>(excerpt)</i>	(отрывок)	(отрывок)
	<i>Перевод опубликован в Собрании сочинений Б Гарта (1895, т. 2) без указания фамилии переводчика</i>	<i>Перевод Н.А. Волжиной</i>
<p>I do not think that we ever knew his real name. Our ignorance of it certainly never gave us any social inconvenience, for at Sandy Bar in 1854 most men were christened anew.</p>	<p>Я не помню, чтобы мы когда-нибудь знали его настоящее имя; впрочем, неведение наше в данном случае не представляло ровно никаких неудобств, потому что в Сэнди-Баре в 1854 г. большая часть людей были окрещены заново. Тогда прозвища давались, чтобы отметить какую-нибудь особенность в одежде, – как это было, например, с Дёгерри Джэком, ли вследствие какой-нибудь отличительной привычки – как это доказывал собою Солёный-Билл, получивший такую кличку за то, что примешивал к своей пище невероятное количество соли; или, наконец, просто благодаря какому-нибудь промаху. Последнее случилось с «Железным пиратом», самым безобидным и смиреннейшим из людей: – он обязан был таким страшным наименованием неправильному произношению слова «pyrites» (колчедан). Быть может, это должно было положить начало своего рода первобытной геральдике, но я скорее склонен думать другое: в то время человек ничем не мог доказать, что его зовут так, а не иначе, а потому на настоящее его имя не</p>	<p>Вряд ли кому-нибудь из нас было известно его настоящее имя. Впрочем, это обстоятельство не причиняло нам ни малейших неудобств в общении с ним, так как в 1854 году почти всех обитателей Сэнди-Бара окрестили заново. Прозвища давались или по какой-нибудь особенности в одежде, как это было с «Нанковым Джеком», или в насмешку над каким-нибудь чудачеством, как с «Содовым Биллом», который валил в хлеб свой засушенный несуразное количество соды, или же из-за простой обмолвки, чему служит доказательством «Железный Пират», – тихий, безобидный человек, обязанный своей мрачной кличкой тому, что он неправильно произносил термин «железный пирит». Кто знает, может быть, так закладывались основы примитивной геральдики? Впрочем, я склонен объяснять пристрастие к прозвищам тем фактом, что в то время настоящее имя человека можно было узнать только с его собственных слов, никем и ничем не подтвержденных.</p>
<p>Sometimes these appellatives were derived from some distinctiveness of dress, as in the case of 'Dungaree Jack'; or from some peculiarity of habit, as shown in 'Saleratus Bill,' so called from an undue proportion of that chemical in his daily bread; or from some unlucky slip, as exhibited in 'The Iron Pirate,' a mild, inoffensive man, who earned that baleful title by his unfortunate mispronunciation of the term 'iron pyrites.'</p>		
<p>Perhaps this may have been the beginning of a rude heraldry; but I am constrained to think that it was because a man's real name in that day rested solely upon his own unsupported statement.</p>		
<p>“Call yourself Clifford, do you?” said Boston, addressing a timid newcomer with infinite scorn; “hell is full of such Cliffords!” He then introduced the unfortunate man, whose name happened to be really Clifford, as 'Jaybird Charley' – an unhal- lowed inspiration of the moment that clung to him</p>		<p>– Так тебя, говоришь, зовут Клиффорд?</p>

ever after.

But to return to Tennessee's Partner, whom we never knew by any other than this relative title. That he had ever existed as a separate and distinct individuality we only learned later.

It seems that in 1853 he left Poker Flat to go to San Francisco, ostensibly to procure a wife. He never got any farther than Stockton. At that place he was attracted by a young person who waited upon the table at the hotel where he took his meals. One morning he said something to her which caused her to smile not unkindly, to somewhat coquettishly break a plate of toast over his upturned, serious, simple face, and to retreat to the kitchen. He followed her, and emerged a few moments later, covered with more toast and victory.

That day week they were married by a justice of the peace, and returned to Poker Flat. I am aware that something more might be made of this episode, but I prefer to tell it as it was current at Sandy Bar – in the gulches and barrooms – where all sentiment was modified by a strong sense of humor.

Of their married felicity but little is known, perhaps for the reason that Tennessee, then living with his partner, one day took occasion to say something to the bride on his own account, at which, it is said, she smiled not unkindly and chastely retreated – this time as far as Marysville, where Tennessee followed her, and where they went to housekeeping without the aid of a justice

обращали внимания. – «Ваш имя, конечно, Клиффорд?– спрашивал насмешник Бостон одного застенчивого новичка. – Весь ад вымощен такими Клиффордами». И он всем рекомендовал несчастного, который на этот раз действительно назывался Клиффордом, как «Галчонка Чарли». Так это прозвище и осталось за ним до конца жизни.

Что касается до «Компаньона Теннесси», то он никогда не был известен под другим именем. Что он существует как отдельная личность – это мы знали только позднее. Покинув в 1853 г. Покерфлет, он кажется намеревался отправиться в Сан-Франциско с тем, чтобы там жениться, но застрял в Стоктоне. В этом последнем город его пленила одна молодая особа, служившая горничной в гостинице, куда он обыкновенно заходил обедать. Однажды утром он сказал ей что-то, заставившее ее улыбнуться. Она не без кокетства опрокинула на обращенное к ней простое, честное лицо тарелку с жарким и убежала в кухню. Он последовал за ней и через несколько минут возвратился еще более перепачканным соусом – но с победой. Неделю спустя сэр соединил их узами брака, и юная чета возвратился в Покерфлет... Я знаю, что эпизод этот можно было бы изложить в ругой форме, ноя предпочел его рассказать так, как его рассказывают в санди-барских кабаках и на добывке золота, где всему, что относится к области чувства, придается оттенок

– с бесконечным презрением обратился Бостон к одному скромному новичку. – Таковыми Клиффордами в преисподней хоть пруд пруди! – И тут же представил нам несчастного, которого действительно звали Клиффорд, под именем «Болтуна Чарли». Эта кличка, рожденная минутным вдохновением нечестивца Бостона, так и пристала к Клиффорду на всю жизнь.

Но вернемся к Компаньону Теннесси, которого мы только и знали под этим именем, выражавшим его отношение к другому лицу. То, что он существует сам по себе как личность, и довольно яркая, стало нам ясно гораздо позже. В 1853 году он отправился из Покер-Флета в Сан-Франциско подыскать себе жену, но дальше Стоктона не уехал. Там его пленила одна молодая особа, прислуживавшая за столиками в ресторане, куда он ходил обедать. Однажды утром он сказал ей что-то такое, что заставило ее улыбнуться отнюдь не сурово, не без некоторого кокетства опрокинуть блюдо с гренками прямо на его серьезную, простоватую физиономию, обращенную к ней, и скрыться на кухне. Он проследовал туда же и через несколько минут вернулся, увенчанный опять-таки гренками и лаврами победы. Неделю спустя судья сочел их браком, и молодожены приехали в Покер-Флет. Я сознаю, что этот эпизод можно было бы разукрасить, но предпочи-

of the peace.

Tennessee's Partner took the loss of his wife simply and seriously, as was his fashion. But to everybody's surprise, when Tennessee one day returned from Marysville, without his partner's wife – she having smiled and retreated with somebody else – Tennessee's Partner was the first man to shake his hand and greet him with affection.

The boys who had gathered in the cacon to see the shooting were naturally indignant. Their indignation might have found vent in sarcasm but for a certain look in Tennessee's Partner's eye that indicated a lack of humorous appreciation. In fact, he was a grave man, with a steady application to practical detail which was unpleasant in a difficulty.

Meanwhile a popular feeling against Tennessee had grown up on the Bar. He was known to be a gambler; he was suspected to be a thief. In these suspicions Tennessee's Partner was equally compromised; his continued intimacy with Tennessee after the affair above quoted could only be accounted for on the hypothesis of a copartnership of crime.

At last Tennessee's guilt became flagrant. One day he overtook a stranger on his way to Red Dog. The stranger afterward related that Tennessee beguiled the time with interesting anecdote and reminiscence, but illogically concluded the interview in the following words: “And now, young man, I'll trouble you for your knife, your pistols,

юмора. Об их супружеском счастье мало известно, может быть вследствие того обстоятельства, что Теннеси, который жил тогда вместе с своим компаньоном, в свой черед сказал однажды новобрачной какое-то словцо, заставившее ее улыбнуться и убежать, но без гнева и на этот раз в Мерисвилль. Теннеси последовал за нею, и они зажили там семейно, уже без помощи мэра. Компаньон Теннеси отнесся к своей потере с отличавшей его простотой и серьезностью. Но ко всеобщему изумлению – когда Теннеси возвратился однажды из Мерисвилля один, без жены своего компаньона (которая ушла с другим – по обыкновению улыбнувшись ему сначала), он первый приветствовал его и дружески пожал ему руку. Люди, собравшиеся было посмотреть, как они разmozжат друг другу голову, естественно, пришли в негодование, и оно, может быть, выразилось бы в насмешливых выходках, если бы о взгляде Компаньона Теннеси не читалось ясно, что он лишен всякой способности ценить и поощрять подобный юмор...

Это был действительно человек серьезный, не раз доказывавший свою твердость на практике, так что ссориться с ним не представляло ни выгоды ни удовольствия.

Между тем общественное мнение в Сэнди-Баре становилось неблагоприятным для Теннеси. Его знали за игрока и начали подозревать в воровстве. Компаньон его также был

таю изложить его так, как он излагался с Сэнди-Баре – на заявках и в салунах, где всякая сентиментальность умеряется сильно развитым чувством юмора.

О супружеском счастье этой пары мало что известно, ибо сам Теннеси, который жил тогда у своего компаньона, вскоре обратился к новобрачной с какими-то словами, на которые она, как говорят, улыбнулась отнюдь не сурово и целомудренно скрылась, на этот раз в Мэрисвилл, куда за ней последовал и Теннеси и где они зажили вдвоем без помощи судьи. Компаньон Теннеси отнесся к потере жены, как относился ко всему в жизни, – просто и серьезно. Но когда Теннеси в один прекрасный день вернулся из Мэрисвилля без жены своего компаньона – она улыбнулась еще кому-то и скрылась с ним, – Компаньон Теннеси, ко всеобщему изумлению, первый пожал ему руку и дружески приветствовал его. Люди, собравшиеся в каньоне поглазеть на поединок, естественно, вознегодовали. Их негодование могло бы перейти в едкие насмешки, но взгляд Компаньона Теннеси ясно говорил, что он не способен оценить юмор. В самом деле, это был человек серьезный, склонный всегда становиться на путь практических мероприятий, что в случае каких-либо недоразумений с ним грозило неприятностями.

Между тем в Сэнди-Баре о Теннеси

and your money. You see your weppings might get you into trouble at Red Dog, and your money's a temptation to the evilly disposed. I think you said your address was San Francisco. I shall endeavor to call.”

It may be stated here that Tennessee had a fine flow of humor, which no business preoccupation could wholly subdue.

This exploit was his last. Red Dog and Sandy Bar made common cause against the highwayman. Tennessee was hunted in very much the same fashion as his prototype, the grizzly. As the toils closed around him, he made a desperate dash through the Bar, emptying his revolver at the crowd before the Arcade Saloon, and so on up Grizzly Cañon; but at its farther extremity he was stopped by a small man on a gray horse. The men looked at each other a moment in silence. Both were fearless, both self-possessed and independent, and both types of a civilization that in the seventeenth century would have been called heroic, but in the nineteenth simply 'reckless.'

“What have you got there? – I call,” said Tennessee quietly.

“Two bowers and an ace,” said the stranger as quietly, showing two revolvers and a bowie-knife.

“That takes me,” returned Tennessee; and, with this gambler's epigram, he threw away his useless pistol and rode back with his captor.

скомпрометирован. Тесную дружбу между этими двумя людьми могли объяснить только сообщничеством в преступлении, как и во всем остальном. Наконец Теннесси уличили. Однажды он примкнул на дороге к путнику, отправлявшемуся в стан «Ред-Дог». Путник этот потом рассказывал, что Теннесси все время развлекал его самыми забавными анекдотами и воспоминаниями и вдруг совершенно неожиданно заключил следующими словами, не имевшими никакой логической связи с тем, что он говорил раньше:

– А теперь, молодой человек, потрудитесь отдать мне ваш револьвер, ваш нож и ваш кошелек. Оружие может навлечь на вас в «Ред-Дог» разные неприятности, а деньги, пожалуй, соблазнить злоумышленников. Вы, кажется, сказали мне, что вы живете в Сан-Франциско? Отлично, я постараюсь вас навестить там.

Замечу здесь мимоходом, что Теннесси был большой юморист и примешивал шутку даже к самым важным делам. Но это был его последний подвиг. «Ред-Дог» и «Санди-Бар» соединились вместе против рыцаря большой дороги. На Теннесси сделали облаву, как на его прототипа-медведя. Когда в салон Аркад (так называлось длинное неправильное здание, где помещалась контора, бильярд и ресторан) толпа стеснила его, он пробился, расчистил себе дорогу пистолетными выстрелами и убежал в ущелье, но там встретил маленького че-

сложилось неблагоприятное мнение. Все знали, что он нечисто играет, подозревали его и в воровстве. Все это в равной степени набрасывало тень и на Компаньона Теннесси: продолжение их дружбы после вышеизложенных событий можно было объяснить только сообщничеством в преступлениях. Наконец виновность Теннесси стала совершенно явной. Однажды он нагнал на дороге человека, который шел в поселок Рыжая Собака. Впоследствии этот человек рассказывал, что Теннесси развлекал его в пути разными анекдотами и воспоминаниями и вдруг ни с того ни с сего закончил беседу следующими словами:

– А теперь, молодой человек, потрудитесь отдать мне ваш револьвер, нож и деньги. Чего доброго, попадете в беду с таким арсеналом, а на деньги ваши в Рыжей Собаке могут позариться какие-нибудь мошенники. Сдается, вы говорили, что проживаете в Сан-Франциско? Постараюсь вас навестить там.

Надо сказать, что у Теннесси было недюжинное чувство юмора, которое не покидало его даже тогда, когда он занимался серьезными делами.

Это был его последний подвиг. Рыжая Собака и Сэнди-Бар объединились против грабителя. На Теннесси устроили облаву, как на медведя-гризли. Видя, что сети опутывают его все туже и туже, он сделал отча-

	<p>ловека на серой лошади, загородившего ему дорогу. С минуту они молча глядели друг дугу в лицо. Оба были хладнокровны, мужественны, исполнены самообладания и служили характерными представителями двух любопытных типов цивилизации, которую в XVIII веке назвали бы героической, а в XIX называют просто беспутной.</p> <p>– Покажи свою игру,– какие у тебя карты?– спокойно спросил Теннеси.</p> <p>– Два козыря и туз, – отвечал тот так же спокойно, показывая ему револьвер и нож.</p> <p>– Проиграл! – произнес Теннеси и, бросив свой бесполезный пистолет, сдался</p>	<p>янную попытку прорваться сквозь поселок, разрядив револьвер в толпу перед салуном «Аркадия», и скрылся в Медвежьем каньоне. Но в конце каньона путь ему преградил человек на серой лошади. С минуту они молча смотрели друг на друга. Оба были бесстрашны, хладнокровны, уверены в себе; оба прекрасные образчики цивилизации, которых в семнадцатом веке назвали бы героическими личностями, а в девятнадцатом – попросту головорезами.</p> <p>– Покажи свою игру – чья будет взятка, – спокойно сказал Теннеси.</p> <p>– Два козыря и туз, – не менее спокойно ответил незнакомец, показывая два револьвера и охотничий нож.</p> <p>– Моя карта бита, – сказал Теннеси. Отпустив эту игрецкую шуточку, он швырнул в сторону бесполезный револьвер, и под конвоем своего поимщика отправился обратно.</p>
--	---	---